

LEGALESE ИЛИ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ИЗЛОЖЕНИЯ

Legalese или *lawspeak* – английский термин, который обычно используется как синоним к понятию юридического стиля изложения. «Это особый юридический язык, особенная манера построения фраз и предложений, которая для лиц, несведущих в тонкостях английской юридической терминологии, зачастую кажется лишенной смысла» [3, с. 132]. Юридическая манера изложения считается формальной. Этот формализм проявляется в использовании длинных сложных предложений, громоздких конструкций и специфической терминологии. *Legalese* – точный и недвусмысленный термин. Тем не менее, «зачастую тексты, написанные в стиле *legalese*, содержат настолько громоздкие и многосложные предложения витиеватые конструкции, что они становятся еще более двусмысленными, нежели написанные общедоступным языком» [3, с. 153].

Legalese чаще всего используется при составлении нормативных правовых актов и судебных решений, однако, иногда формализм этой манеры сообщения информации проявляется и в повседневном общении юристов. *Legalese* относится к официально-деловому стилю, который, в свою очередь, относится к числу книжных стилей и функционирует в форме письменной речи.

Основная функция деловой речи – функция социальной регламентации, поэтому все деловые тексты должны иметь однозначное прочтение, т. е. для каждого текста должна быть характерна такая точность изложения информации, которая не допускала бы различных толкований. Официально-деловой стиль характеризуется также высокой регламентированностью речи, официальностью, безличностью, объективностью.

Своеобразная особенность английских юридических текстов на лексическом уровне – это частотное употребление иностранных выражений. Это связано с тем, что в Средние века латинский и французский языки были официальными языками юридических текстов. Поэтому и в современных юридических документах по-прежнему можно встретить иностранные выражения, например:

- *voir dire* (франц.) – ‘предварительный допрос свидетелей’;
- *profit a prendre* (франц.) – ‘право использования’;
- *actis testantibus* (лат.) – ‘согласно документам’;
- *corpus delicti* (лат.) – ‘вещественные доказательства («тело преступления»)’;
- *damnatus* (лат.) – ‘осужденный (приговоренный)’;
- *ex lege* (лат.) – ‘по закону’;
- *in jure cessio* (лат.) – ‘судебная уступка’;
- *tacito locacio* (лат.) – ‘автоматическое продление договора на новый срок’;
- *ad melius ingvirendum* (лат.) – ‘на доследование’;
- *des dommages et interets* (франц.) – ‘компенсация’;

• *dans les conditions ciapres definies (франц.)* – ‘в далее определенных условиях’.

Среди таких опосредованных латинских заимствований, пришедших в английский язык из древнефранцузского, наибольший интерес представляет термин «**trespass**», принесший в английское право совершенно новое понятие «*причинение вреда чужой собственности*», на основе которого была создана целая система защиты прав собственности – одного из прав, составляющих триптих наибольших ценностей западного человека, а следовательно, и подсистема терминов, обозначающих такие понятия. Все современное английское и амери-канское гражданское право построено на «trespass».

«**Modus operandi**» (сокр. М.О.) – латинская фраза, которая обычно переводится как «*образ действия*». «Данная фраза используется в юриспруденции для описания способа совершения преступления. В криминологии “modus operandi” служит одним из методов составления психологического профиля преступника» [4, с. 75]. Составление «modus operandi» того или иного подозреваемого может способствовать его идентификации и поимке.

Часто в юридических текстах можно встретить явление, не характерное в русском языке – так называемые юридические дублеты (legal doublets). Появление некоторых из них также связано с прежней распространенностью французского и латинского языков: *will and testament* – ‘завещание’ (English / Latin), *null and void* – *недействительный* (English / French). Однако есть и такие, которые состоят только из английских синонимов: *have and hold* – ‘обладать’, *over and above* – ‘к тому же’. Чаще всего слова в таких дублетах означают практически одно и то же, и, как видно из выше-перечисленных примеров, переводятся обычно одним словом.

Еще одна особенность юридических текстов – регулярное использование местоименных наречий, таких как *hereinafter* (‘в дальнейшем’), *whereas* (‘принимая во внимание’), *thereof* (‘соответствующий’), *hereto* (‘к этому’), *aforsaid* (‘вышеупомянутый’), которые намного реже встречаются в текстах других тематик. На синтаксическом уровне юридические тексты также имеют свои особенности – это нехарактерный порядок слов и сложные, длинные предложения, обилие пассивных конструкций, высокая частотность употребления таких модальных глаголов, как ‘*shall*’, ‘*will*’:

«<...> *he shall be removed from office as a justice of the peace in accordance with section 6 of this Act* <...>» [4, с. 126].

«*It may be true that such parts of the common law* <...> *are based upon, or (are) consistent with, ideas and values* <...>» [6, с. 118].

Большую роль в юридическом стиле играет рубрикация. Рубрикация на текстовом уровне связана с делением текста на пункты и подпункты, которые в документах обозначаются как арабскими, так и римскими цифрами. Рубрикация делает юридический стиль более логичным и аналитичным. К примеру, Chapter II (Chapter – глава в разделе), Art. L. 332-1., (Article – статья раздела, Law – закон).

Одно из важных качеств юридического языка – его эмоциональная нейтральность. «Даже самые неординарные с моральной точки зрения события и факты юрист должен описать в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления и не раскрывая своей юридической оценки» [5, с. 34]. Тем самым юридический язык резко отличается, например, от языка журналистики, для которого, напротив, характерна «эмоциональная нагруженность» словаря, изначально раскрывающая позицию автора.

Анализируя категории юридического языка («лицо», «деяние», «состав преступления», «правоотношение», «юридический факт» и другие) убеждаешься, что им свойственна высокая степень абстрактности – результат огромной работы абстрагирующей юридической мысли. «Вместе с тем, юридические категории удивительно конкретны: как правило, каждой из них можно противопоставить конкретные действия и обстоятельства, составляющих содержание данной категории» [8, с.112].

Во взаимосвязи и взаимодействии категории юридического языка описывают определенную область реальности. Таким образом, в этом смысле им присуща системность. Необходимо ценить и поддерживать системность юридического языка, бережно сохраняя сложившуюся систему понятий и оберегая язык от поспешных неоправданных новаций, разрушающих качество системности.

В связи с этим, можно сделать вывод, что юридическому языку свойственны простота и надежность грамматических конструкций, исключаящие двусмысленность. Это свойство связано с тем, что правовая норма по своей природе – команда. «Совершенно очевидно, что команда, если она выражена неточным и двусмысленным языком, не будет понята и выполнена так, как этого хочет законодатель» [2, с. 52].

С точки зрения общепринятой жанрово-стилистической классификации юридический перевод представляет собой разновидность перевода информативного. Другая особенность юридических текстов проявляется в их формализованности и традиционной структурированности. Обе эти составляющие текста имеют целью довести информацию до адресата уникальным способом – именно так, как это хочет автор или требуют правила юридической техники: определенная форма и структура могут быть продиктованы как объективными, так и субъективными моментами. Юридическому тексту также присущ особый – юридический – узус, требующий изучения.

Проблема юридического перевода, помимо всего прочего, состоит в том, что терминология отражает особенности правовой системы страны. Еще одна особенность состоит в том, что и внутри национальной системы юристы выработали специфический язык и даже стиль, который трудно понять не только юристу или переводчику из другой страны, но и обычному человеку.

Интересными для перевода представляются фразеоматические выражения: *three strikes law*, *three strikes justice*, *three strikes offender*. «Их русские переводы ‘законы трех ударов’, ‘правосудие трех ударов’, ‘правонарушитель, осужденный по закону трех ударов’, требуют от переводчика

культурологического комментария» [1, с. 46]. Эти словосочетания являются метафорически переосмысленными единицами и соотносятся с правилами игры в бейсбол, согласно которым, игрок, получающий 3 штрафных удара, выбывает из игры (Three strikes – and you are out). По американскому законодательству человек, имеющий две предыдущих судимости и нарушающий закон в третий раз, получает чрезвычайно строгое наказание, вплоть до смертной казни или пожизненного заключения, как правило, несоизмеримое тяжести правонарушения.

В текстах встречаются словосочетания, в которых ключевое слово настолько предсказуемо, что оно опускается. «Русский перевод, однако, требует восстановления опущенного и подразумеваемого слова» [1, с. 57]. Например, *Rules of evidence* – ‘правила сбора, хранения и представления вещественных доказательств’; *Drug Institute* – ‘институт по борьбе с незаконным оборотом наркотиков’; *driving under the influence (DUI)* – ‘вождение автотранспортного средства в состоянии алкоголь-ного опьянения’.

Следует отметить, что английская фраза может содержать слова, которые на русский язык принято не переводить. Например, *the United Nations High Commission for Human Rights* – ‘комиссия ООН по правам человека’. Некоторые трудности представляет перевод словосочетаний, имеющих различный смысл в британском и американском вариантах английского языка. Так, и в британском, и в американском вариантах есть словосочетания *Attorney General*, но при их переводе следует учитывать, какой вариант английского языка используется в конкретном случае. В США должности Генерального прокурора и Министра юстиции совмещаются одним лицом, а в Великобритании эти должности занимают разные чиновники. Аналогично обстоит дело и с переводом словосочетания *Solicitor General* – ‘заместитель Генерального прокурора’ / ‘заместитель министра юстиции’ [5, с. 132].

На основании вышеперечисленных фактов мы можем сделать вывод, что юридический перевод не терпит двусмысленности и свободных трактовок: это может привести к нарушению прав заинтересованных лиц. Зачастую перевод юридических текстов требует от переводчика особого лингвистического мастерства, чтобы находить в языке перевода эквиваленты тем понятиям, которые использованы в оригинальном тексте. Необходимо помнить, что текст юридического перевода будет использоваться в рамках другой правовой системы, а значит, необходимо находить характерные для нее юридические формулировки.

Литература

1. Алимов, В.В. Юридический перевод. Практический курс. Английский язык / В.В. Алимов. – М.: КомКнига, 2005.
2. Беликов, В.И., Крысин, Л.П. Социоллингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001.

3. Берг, Е.Б. Основные инструменты профессиональной коммуникации в правовой сфере / Е.Б. Берг // Языки профессиональной коммуникации: материалы межд. научн. конфер., Екатеринбург, 2003.
4. Крупнов, В.Н. Лексикографические аспекты перевода / В.Н. Крупнов. – М.: Высшая школа, 1987.
5. Крюковская, И.В., Хорень, Р.В. Профессиональная лексика юриста / И.В. Крюковская, Р.В. Хорень. – Минск: «Вышэйшая школа», 2010.
6. Мечковская, Н.Б. Социоллингвистика; 2-е изд. / Н.Б. Мечковская. – Москва: Аспект Пресс, 2000.
7. Миньяр-Белоручева, А.П., Миньяр-Белоручев К.В. Английский язык: Учебник устного перевода / А.П. Миньяр-Белоручева, К.В. Миньяр-Белоручев. – М.: Экзамен, 2008.
8. Филлмор, Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике/ Дж. Филлмор. – М.: Прогресс, 1983. – Вып.13.